ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ФОТОГРАФИЯХ

Архив ИИМН
Фонд № _____
Арх. № _____ лист

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

Monuments of archaeology in studies and photographs

(in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях

(памяти Галины Вацлавны Длужневской)

УДК 902/904
ББК 63.4

Утверждено к печати Ученым советом
ИИМК РАН

Approved for printing by the Scientific Council
of the Institute for the History of Material Culture RAS

Редколлегия:

М. В. Медведева, Н. Ю. Смирнов (отв. редактор),
Н. А. Лазаревская (отв. секретарь),
Д. Г. Савинов, В. Н. Седых, М. Т. Кашуба

Editorial Board:

M. V. Medvedeva, N. Yu. Smirnov (Managing Editor),
N. A. Lazarevskaya (Managing Secretary), D. G. Savinov,
V. N. Sedych, M. T. Kashuba

Рецензенты:

д.и.н. Ю. А. Виноградов, д.и.н. В. А. Лапшин

Reviewers:

Dr. of History Yu. A. Vinogradov, Dr. of History V. A. Lapshin

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сборник научных статей. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2018. — 328 с. : ил.

Monuments of archaeology in studies and photographs (in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya). Collection of scientific papers. — Saint Petersburg: IHMC RAS, 2018. — 328 pages : il.

ISBN 978-5-907053-08-3

Сборник посвящен памяти известного российского археолога, доктора исторических наук, зав. Научным архивом ИИМК РАН Галины Вацлавны Длужневской (1946–2014). Памяти Г. В. Длужневской было посвящено специальное открытое заседание Ученого Совета ИИМК РАН (23 марта 2016 г.), собравшее полный зал участников, друзей и коллег Галины Вацлавны. Дальнейшим развитием этой благородной акции должно стать издание настоящего сборника, освещающего основные стороны многогранной научной и организационной деятельности Г. В. Длужневской. В творческой судьбе Галины Вацлавны отчетливо выделяются два периода. Первый — многолетние полевые исследования в Туве (ныне Республика Тыва), специальное изучение археологических памятников енисейских кыргызов в этнокультурной истории Центральной Азии и Сибири. Второй — активная творческая деятельность по руководству Научным архивом ИИМК РАН, изучение и популяризация фотографии как важнейшего вида археологических источников. Тот и другой периоды достаточно полно представлены в материалах настоящего Сборника, композиционно состоящего из трех частей. Часть I (меморативная) — воспоминания друзей и коллег о жизни и деятельности Галины Вацлавны, часть II посвящена проблемам археологии Центральной Азии и Сибири, в части III рассмотрены вопросы историографии и изучения фотографии как археологического источника. Публикация сборника — дань памяти Галине Вацлавне Длужневской, отдавшей 50 лет своей жизни и активной творческой деятельности Институту (ЛЮИА АН СССР — ИИМК РАН).

The collection is dedicated to the memory of the prominent Russian archaeologist, Director of the Scientific Archives of IIMK RAS, Dr. of History Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). To the memory of G. V. Dluzhnevskaya, a special broadened session of the Scientific Council of IIMK RAS was dedicated (March 23, 2016) which assembled the full audience of the participants — friends and colleagues of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya. This noble action was further continued in the publication of the present collection covering the main aspects of the many-sided scientific and organizational activities of G. V. Dluzhnevskaya. Two periods are clearly definable in the creative biography of Dluzhnevskaya. The first comprises field investigations of many years in Tuva (now the Republic of Tyva) devoted to special studies of archaeological sites of the Yenisey Kyrgyzes as part of the ethnocultural history of Central Asia and Siberia. The second period is concerned with the extensive creative activities at the Scientific Archives of IIMK RAS, studying and popularization of photography as a very important group of archaeological sources. The two periods both are fairly well represented among the materials of the present collection consisting compositionally of three parts. Part I (memorial) includes reminiscences of friends and colleagues about the life and scientific studies of G. V. Dluzhnevskaya. Part II is dedicated to problems of archaeology of Central Asia and Siberia. Part III discusses questions of historiography and consideration of photography as an archaeological source. This publication is a tribute to the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya, who had devoted 50 years of her life and active creative activities to the Institute (Leningrad Branch of the Institute of Archaeology AS USSR — Institute for the History of Material Culture RAS).

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018
Institute for the History of Material Culture RAS, 2018

© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2018
Authors of the papers (names are marked in the contents), 2018

ISBN 978-5-907053-08-3

Содержание

Список опубликованных научных работ Галины Вацлавны Длужневской (Л. М. Всевиов, М. В. Медведева)	9
Биография Г. В. Длужневской в фотографиях	20
С. И. Сергеев. Живописные работы тувинского цикла	24
ЧАСТЬ I. Друзья и коллеги о Галине Вацлавне Длужневской	30
Е. В. Бобровская, Т. А. Ершова, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева. Галина Вацлавна Длужневская (1946–2014). Научно-исследовательская деятельность и документальное наследие	30
С. Н. Астахов. Сквозь тернии к звездам	35
Б. Б. Овчинникова. С уважением, любовью и благодарностью... ..	38
Вл. А. Семенов. Галина Вацлавна Длужневская в Саянском каньоне Енисея	41
С. А. Васильев. Несколько слов о Гале Длужневской	45
А. В. Субботин. Мои воспоминания о Г. В. Длужневской	47
Л. А. Чиндина. Благодарю, что по судьбе прошла... ..	51
А. О. Машезерская. Архив возможных отношений	56
А. В. Максимова. Совместные проекты Фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук и Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО	58
Д. Д. Васильев, Г. В. Длужневская (†). Крымский альбом, изданный в Турции	63
ЧАСТЬ II. Археология Центральной Азии и Южной Сибири	69
Д. Г. Савинов. Окуневские изваяния Усть-Есинская Кыс-Таш и Ар-Хая (опыт источниковедческого анализа)	69
К. В. Чузунов. Центральная Азия накануне эпохи ранних кочевников	79
М. Е. Килуновская. Новые материалы по монгун-тайгинской культуре Тувы	86
А. А. Ковалев. Захоронения оленных камней в подкурганых могилах Синьцзяна — новый аргумент в пользу синьцзянского происхождения европейских изваяний предскифского периода	96
М. А. Дэвлет, Е. Г. Дэвлет (†). Петроглифы левобережья р. Чинге. Гора Устю-Мозага	104
М. Н. Пшеницына. Золотые украшения из кургана 2 в могильнике Новомихайловка I на юге Хакасии	113
С. В. Хаврин. О составе сплава золотых украшений из кургана 2 могильника Новомихайловка I (Хакасия)	117
В. А. Кисель. Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы	120
С. В. Красниенко. География археологических памятников Назаровской котловины	128
С. В. Панкова. Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника	132
Т. Р. Садыков. Новые данные о городище кокзельской культуры Катылыг 5 в Туве	140
П. М. Леус. Монета «чан пин у шу» 553 года из могильника Терезин в Туве	145

<i>Б. Б. Овчинникова. Могильник Аймырлыг 2 — наследие енисейских кыргызов Центральной Тувы</i>	149
<i>Г. Г. Король. Декор ременной гарнитуры енисейских кыргызов Тувы и исследования Г. В. Длужневской</i>	156
<i>В. А. Завьялов. От Саянского каньона до истоков Енисея (к вопросу о строительстве и локализации уйгурских крепостей)</i>	163
<i>В. И. Распопова. Войлок и мех в живописи Пенджикента</i>	168
<i>А. И. Торгоев, Д. В. Лужанский. Средневековый могильник Сары-Жолга на оз. Иссык-Куль</i>	178
ЧАСТЬ III. История науки в документах и фотографиях	185
<i>И. Л. Тихонов. О роли фотографии в изучении истории археологии</i>	185
<i>Е. В. Бархатова. Приглашение в Сибирь: ранний фотопроjekt книгопродавца Карла Рикерра</i>	194
<i>М. Д. Бухарин, И. В. Тункина. «...Мне пришлось видеть много людей разных вер и наций...»: Письмо В. М. Успенского Д. А. Клеменцу</i>	200
<i>Л. Ю. Китова, Л. Ю. Боброва. Археологическая деятельность С. К. Кузнецова в Сибири</i>	205
<i>Е. Ю. Захарова. Археологические занятия барона Дмитрия Оттоновича Шеппинга на Воронежской земле</i>	212
<i>В. А. Алёшкин. Парижские университеты А. А. Миллера и его контакты во Франции с Ф. К. Волковым (1901–1905)</i>	219
<i>Н. Ю. Смирнов, П. Г. Гайдуков. Переписка из двух столиц: 1917 год в письмах А. В. Орешникова к В. В. Латышеву</i>	227
<i>А. Е. Мусин. Императорская археологическая комиссия и Польша: материалы по истории церкви Благовещения в Супрасле в архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге</i>	240
<i>Н. Д. Моисеева. Поездка Петра Петровича Покрышкина в Сербию. Фотографии и открытые письма</i>	264
<i>В. Н. Седых. Из истории археологического изучения Ярославских могильников в дореволюционный период (по материалам НА ИИМК РАН)</i>	270
<i>С. В. Белецкий. Неизвестные фотографии Пскова 1946 года</i>	280
<i>Н. И. Платонова. Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы)</i>	285
<i>О. М. Мельникова. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани: на переломе исторических эпох (1917–1921 гг.)</i>	294
<i>В. С. Соболев. «Приходно-расходная тетрадь» И. Г. Бакмейстера как источник по истории Кунсткамеры. 1776–1783 гг.</i>	300
<i>В. А. Прищепова. Белуджи, джемшиды, хазарейцы Туркмении в фотоколлекциях 1920-х гг.</i>	303
<i>А. Н. Бессуднов. Страницы истории верхнедонской археологии (по материалам полевых дневников В. П. Левенка)</i>	313
Н. Ю. Смирнов. От степных кочевий — к обретенным храмам... Послесловие редактора	318
Список сокращений	322

Contents

List of published scientific works of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (<i>L. M. Vsevirov, M. V. Medvedeva</i>)	9
Biography by Galina V. Dluzhnevskaya in photos	20
S. I. Sergeev. Paintings of the Tuva cycle	24
PART I. Friends and colleagues about Galina Vatslavna Dluzhnevskaya	30
<i>E. V. Bobrovskaya, T. A. Ershova, N. A. Lazarevskaya, M. V. Medvedeva. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014).</i> Scientific research activities and the documentary heritage	30
<i>S. N. Astakhov. Per aspera ad astra</i>	35
<i>B. B. Ovchinnikova. With esteem, love and gratitude...</i>	38
<i>Vl. A. Semenov. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya in the Sayan Canyon of the Yenisey</i>	41
<i>S. A. Vasil'yev. A few words about Galina Dluzhnevskaya</i>	45
<i>A. V. Subbotin. My recollections about G. V. Dluzhnevskaya</i>	47
<i>L. A. Chindina. I am thankful for having passed via my fate...</i>	51
<i>A. O. Mashezerskaya. Archives of possible relations</i>	56
<i>A. V. Maksimova. Joint projects of the Photographic Department of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and the State Museum Exposition Centre ROSFOTO</i>	58
<i>D. D. Vasil'yev, G. V. Dluzhnevskaya (†). The Crimean album published in Turkey</i>	63
PART II. Archeology of Central Asia and South Siberia	69
<i>D. G. Savinov. Ust-Yesinskaya Kys-Tash and Ar-Khaya Okunevo sculptures (an essay on source study analysis)</i>	69
<i>K. V. Chugunov. Central Asia on the eve of the Early Nomad Period</i>	79
<i>M. E. Kilunovskaya. New evidence on the Mongun-Tayga culture of Tuva</i>	86
<i>A. A. Kovalev. Burials of deer stones in sub-kurgan graves in Xinjiang as a new argument in favour of the Xinjiang origin of European sculptures of the pre-Scythian period</i>	96
<i>M. A. Devlet, E. G. Devlet (†). Petroglyphs from the left bank of the Chinge River. Mt. Ustyu-Mozaga</i>	104
<i>M. N. Pshenitsyna. Gold ornaments from the barrow 2 in the cemetery of Novomikhaylovka I in southern Khakassia</i>	113
<i>S. V. Khavrin. Composition of the alloy of gold ornaments from kurgan 2 at the cemetery of Novomikhaylovka I (Khakassia)</i>	117
<i>V. A. Kisel'. Female ritual costume in the ancient nomadic culture of Tuva</i>	120
<i>S. V. Krasnienko. Geography of archaeological sites in the Nazarov Depression</i>	128
<i>S. V. Pankova. Plaits from burial 4 at the Oglakhty cemetery</i>	132
<i>T. R. Sadykov. New evidence on the fortified site of Katylyg 5 of the Kokel culture in Tuva</i>	140
<i>P. M. Leus. 'Chang Ping Wu Zhu' coin of 553 AD from the cemetery of Terezin in Tuva</i>	145

<i>B. B. Ovchinnikova. Cemetery of Aymyrlyg 2 — heritage of Yenisei Kyrgyzs of Central Tuva</i>	149
<i>G. G. Korol. The décor of strap mounts of the Yenisey Kyrgyzs of Tuva and studies of Galina V. Dluzhnevskaya</i>	156
<i>V. A. Zav'yalov. From the Sayan Canyon to the sources of the Yenisey (the problem of building and localization of Uigur fortresses)</i>	163
<i>V. I. Raspopova. Felt and fur in the paintings of Panjakent</i>	168
<i>A. I. Torgoev, D. V. Luzhanskiy. Mediaeval cemetery of Sary-Zholga on Lake Issyk-Kul</i>	178
PART III. The history of science in documents and photographs	185
<i>I. L. Tikhonov. Role of photography in studies of the history of archaeology</i>	185
<i>E. V. Barkhatova. Invitation to Siberia: an earlier photoproject of the bookseller Carl Ricker</i>	194
<i>M. D. Bukharin, I. V. Tunkina. "...I happened to meet many persons of different faiths and nations..." A letter of V. M. Uspenskiy to D. A. Clementz</i>	200
<i>L. Yu. Kitova, L. Yu. Bobrova. Archaeological activities of S. K. Kuznetsov in Siberia</i>	205
<i>E. Yu. Zakharova. Archaeological ardours of Baron Dmitriy Ottonovich Shepping in the Voronezhland</i>	212
<i>V. A. Alyokshin. Parisian universities of A. A. Miller and his contacts with F. K. Volkov in France (1901–1905)</i>	219
<i>N. Yu. Smirnov, P. G. Gaydukov. Correspondence from two capitals: 1917 in letters of A. V. Oreshnikov to V. V. Latyshev</i>	227
<i>A. E. Musin. The Imperial archaeological commission in Russia and Poland: information on the history on the Church of the Annunciation of the Mother of God, Supraśl, in the archives of the Institute of the History for Material Culture, Russian Academy of Sciences, in Saint-Petersburg</i>	240
<i>N. D. Moiseeva. Petr Petrovich Pokryshkin's trip to Serbia. Photographs and postcards</i>	264
<i>V. N. Sedykh. A point of the history of archaeological studies of Yaroslavl burial grounds in the pre-revolutionary period (after materials of the Scientific Archives of IIMK RAS)</i>	270
<i>S. V. Beletskiy. Unknown photographs of Pskov of 1946</i>	280
<i>N. I. Platonova. Studies in the sphere of archaeological technology in RAIMK/GAIMK (1920–1930s)</i>	285
<i>O. M. Mel'nikova. North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute in Kazan: at the turning point of historical epochs (1917–1921)</i>	294
<i>V. S. Sobolev. 'Receipt/housekeeping notebook' of I. G. Bacmeister as a source on the history of the Kunstkammer. 1776–1783</i>	300
<i>V. A. Prishchepova. Baluchis, Jemshids, Khazareis of Turkmenia in photographic collections of the 1920s</i>	303
<i>A. N. Bessudnov. Pages of the history of the Upper Don archaeology (Materials from the field journal of V. P. Levenok)</i>	313
N. Yu. Smirnov. From steppe nomads' camps to temples gained... Afterword of the editor	318
List of Abbreviations	322

В. А. Прищепова¹

Белуджи, джемшиды, хазарейцы Туркмении в фотоколлекциях 1920-х гг.

Ключевые слова: музей, коллекции, ираноязычные кочевники, культура, быт, Туркмения, Средняя Азия, народы, Среднеазиатская этнологическая экспедиция.

Keywords: museum, collections, Iranian-speaking nomads, culture, life mode, Turkmenia, Central Asia, peoples, Central Asian Ethnological Expedition.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-303-312

В иллюстративном фонде Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ) хранятся исторические фотографии 1928–1929 гг. из жизни среднеазиатских ираноязычных кочевников Туркмении: *белуджей, джемшидов и хазарейцев*. Снимки коллекций документируют почти все области быта этих народов в рассматриваемые годы. С тех пор мировая политика и экономика во многом изменили их существование. Ретроспективный взгляд на формы жизни, которые с точки зрения современной модернизации кажутся примитивными, взгляд на кочевой быт как нормальный и повседневный способ существования, как это представлено в коллекциях МАЭ, поможет лучше понять противоречия общественного развития в Средней Азии. Как заявлял в своих работах классик Б. Малиновский, целью этнографа является понять мировоззрение местного жителя, его отношение к жизни, изучить его взгляды на мир, что и было сделано участниками экспедиции 1928–1929 гг., когда они исследовали и фиксировали на фотографиях кочевой быт.

Исторические фотоматериалы с документальной точностью передают различные сферы жизни белуджей, хазарейцев, джемшидов. Фотоколлекции МАЭ, собранные в 1928 и 1929 гг. сотрудниками МАЭ в Туркмении, в настоящее время почти неизвестны даже в кругу узких специалистов. Для того чтобы понять, какие фотоколлекции по иранским кочевникам Туркмении хранятся в МАЭ, необходимо было предварительно просмотреть около тысячи изображений и провести архивные исследования. Полевые материалы 1928–1929 гг. имеют исключительную научную ценность, т. к. они были собраны непосредственно после

переселения этих народов из Афганистана. Коллекции содержат большое количество предметов, в настоящее время редко встречающихся у них или вовсе исчезнувших из их быта.

В историю МАЭ 1920-е гг. вошли как время, когда здесь была создана новая — ленинградская практическая школа этнографов-иранистов во главе с Иваном Ивановичем Зарубиным. Для учеников-сотрудников И. И. Зарубина годы их совместной работы в Среднеазиатской этнологической экспедиции стали прекрасной выучкой.

Среднеазиатская этнологическая экспедиция Академии наук СССР 1926–1929 гг. была сформирована как комплексная этнолого-лингвистическая и антропологическая. И. И. Зарубин, лингвист, знаток в области этнографии и фольклора иранских народов, возглавлял работу этнологической части экспедиции. Несмотря на то что формально руководителем всей экспедиции был объявлен академик В. В. Бартольд, фактически координировал работу все годы И. И. Зарубин.

Среднеазиатская этнологическая экспедиция была продолжением работ ученых досоветского периода. Еще во второй половине XIX в. появлялись работы по изучению культуры, быта и языка населения Средней Азии. Лишь с начала XX в. Академия наук начала предпринимать усиленные шаги к научному освоению этого региона. Исследовать ираноязычные народы, жившие в пределах Российской империи, а затем и СССР, начал известный русский и советский востоковед И. И. Зарубин в начале XX в. В 1914 г. состоялось его путешествие вместе с французским иранистом Р. Готье на Памир, чтобы исследовать жившие там ираноязычные народы. Именно эта поездка послужила в истории иранистики отправной точкой для создания спустя годы Среднеазиатской этнологической экспедиции 1926–1929 гг.

¹ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Отдел Центральной Азии. Адреса электронной почты: vapr@kunstkamera.ru, vapr1950@yandex.ru.

В 1926 г. работы экспедиции в основном производились на территории Узбекистана и Таджикистана, но уже в 1927 г. у И. И. Зарубина особенный интерес вызывал Туркменистан, где в пограничных с Афганистаном районах проживали ираноязычные кочевники. Одну из задач экспедиции в области иранистики И. И. Зарубин видел в выяснении расселений, численности и основных особенностей малоизвестных иранских народов Туркмении. Он был первым этнографом, посетившим в 1927 г. в Мервском округе Туркмении эти народы. Было решено в последующие два года (1928–1929) снарядить специальный отряд экспедиции в юго-восточный Туркменистан для работы среди белуджей, джемшидов и хазарейцев.

В настоящее время джемшиды населяют северо-запад Афганистана и часть Ирана, небольшая группа живет в Туркмении, в основном в районе Чаман-и-Бид на р. Кушке. Часть джемшидов в 1920-е гг. традиционно занималась скотоводством. Они жили в *чаппари* (летние шатры-шалаша простого устройства), которые сами не изготавливали, а покупали у соседей — хазарейцев. Из шерсти животных джемшиды валяли кошмы, ткали паласы, сукна, мешки и пр. У них сохранялись родоплеменные отношения и значительные различия между родами в духовной культуре и материальной жизни, например, ковроделие было распространено только в одном роду (Отчет о деятельности..., 1928).

Хазарейцы — также один из народов, живущих в центральном Афганистане и в Иране. К началу XX в. на территории Туркмении проживали хазарейцы, перешедшие из Афганистана (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 16). В 1920-е гг. они жили на реке Кушке в непосредственном соседстве с джемшидами. Главным их имуществом был скот. Жили они в юртах, подобных джемшидским чаппари. От антропологического европеоидного типа джемшидов хазарейцы отличались монголоидностью. Как и джемшиды, они сохраняли родоплеменное деление.

Белуджи живут на территории Пакистана, Ирана, Афганистана и арабских стран. Небольшая община белуджей проживает в нескольких деревнях Марыйского оазиса Туркменистана (Гафферберг, 1969). Они появились на территории Туркмении в начале XX в. По антропологическим характеристикам они принадлежат к европеоидам. Их основными занятиями являются скотоводство и земледелие. В 1920-е гг. белуджи Туркмении занимались хлопководством и скотоводством, а также ремеслами, женщины из шерсти изготавливали ковры, паласы, ткани.

В 1927 г. И. И. Зарубин изучал белуджей, которые жили в Иолотанском и Байрам-Алийском районах Марийской области Туркмении. Как отмечалось в полевом отчете о работе экспедиции, постоянных жилищ у белуджей было мало. Они жили в глинобитных постройках с плоской крышей из жердей, покрытых циновками и обмазанных глиной. В основном же они пользовались переносными шерстяными шатрами, *гедан*. Э. Г. Гафферберг так характеризовала это жилище: «Гедан, порожденный кочевым образом жизни и к нему приспособленный, является старым жилищем белуджей. В Советском Союзе в связи с быстрым развитием хозяйства и культуры бывших кочевников, с переходом их к земледелию и оседлости и полным исчезновением кочевничества как такового гедан уходит из жизни белуджей и в ближайшие годы исчезнет, по-видимому, окончательно» (МАЭ. Оп. кол. 4027. С. 7).

В экспедиционных поездках кроме И. И. Зарубина принимали участие Э. Г. Гафферберг, Д. Д. Букинич, Г. Г. Гульбин, Г. К. Шульц и А. П. Булгаков, которые стали собирателями всех коллекций. В дальнейшем некоторые из них подверглись политическим преследованиям в 1930-е гг. и погибли. Задачей экспедиции было наиболее полно изучить быт этих кочевых народов и доставить в музей такие свидетельства их материальной культуры, как одежда, орудия труда, переносные жилища и т. п., а также зафиксировать все это на фото пленку.

В трудные для страны 1920-е гг. товарного голода не так легко было выполнить задачи экспедиции. Для обмена у местного населения необходимых музейных вещей участники поездки везли с собой различные предметы ширпотреба: «Обменный материал пошел в ход, охотно брали даже мыло, к которому до сих пор были совершенно равнодушны» (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 23). Таким же образом выменивали предметы для коллекций музея и продукты питания для участников экспедиции. С этой целью перед отъездом в экспедицию, согласно постановлению МАЭ, из обменного фонда музея было выдано И. И. Зарубину 270 кусков и отрезков шелковых и полушелковых тканей кустарной работы из коллекций, которые были подарены еще бухарским эмиром императору Николаю II (СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 – 1926, № 2, л. 51).

Поездки в столь отдаленные районы страны были и небезопасны. Поэтому часто участников экспедиции сопровождала вооруженная охрана. В научных отчетах не случайно отмечалось: «По местным условиям обследование производилось отдельными отрядами

в сопровождении воинской охраны» (Архив МАЭ. Ф. Кол. 5, оп. 1, № 406, л. 3). Осложняли полевую работу также отсутствие дорог, возможное нападение басмачей, которых мог привлечь обменный фонд, зараженность местного населения малярией, тифом, дизентерией и венерическими заболеваниями. При работе с музейными коллекциями иногда забывают о том, когда и в каких условиях их комплектовали, кем были собиратели этих материалов.

Приходилось сталкиваться и с совершенно непредвиденными трудностями. Неожиданным, в частности, оказалось отношение местного населения к фотографированию. Участники многих поездок в мусульманские районы отмечали особенное отношение местных жителей к процессу фотографирования. Сказывался религиозный запрет на изображения людей. Поэтому в экспедиционных условиях часто приходилось прибегать ко всяким ухищрениям, чтобы сделать кадры. В 1928 г. во время работы среди джемшидов Э. Г. Гафферберг сначала заметила стеснительность женщин фотографироваться, а потом с удивлением обнаружила определенную раскованность их поведения и даже просьбы их отснять.

В своих дневниках исследовательница отмечала, что либо женщины с большой охотой готовы были сниматься, а мужчины им запрещали, либо мужчины их заставляли, а те до такой степени стеснялись и закрывались, что почти невозможно было их сфотографировать. В одном ауле участников экспедиции удивило то, что здесь совершенно свободно давали снимать женщин: «Последние абсолютно не стеснялись, а мужчины ничего не имели против съемок. Было много смеха из-за необычности положения, но никаких препятствий. Немного перепугались женщины, когда один из мужчин, заглянув в матовое стекло, закричал, что их снимают вверх ногами, но проводник мой поспешил им объяснить, что на карточке все перевернется обратно, и спокойствие было вновь восстановлено» (Архив МАЭ. Ф. Кол. 5, оп. I, № 406, л. 42).

Этот эпизод является еще одним доказательством того, что фотографирование в экспедиционных поездках долгие годы оставалось довольно сложным делом. В связи с этим нельзя не вспомнить случай, рассказанный видным советским кавказоведом Л. И. Лавровым о своих студенческих годах, когда он в 1920-е гг. изучал этнографию на географическом факультете ЛГУ. Предмет «Фотография в этнографических поездках» у них вел основоположник научного фотографирования С. М. Дудин. На своих лекциях он говорил, что для достижения успеха иногда нужно было даже идти на

хитрость: если собирался снять что-либо, то сначала устанавливал фотоаппарат, снимал, делая вид, что готовится к этому, а потом спрашивал разрешение на фотографирование; при получении отказа извинялся и уходил.

Для Д. Д. Букинича и Э. Г. Гафферберг поездка 1928 г. стала своеобразным продолжением освоения премудростей полевой этнографической работы. В ходе экспедиционных работ случались и недоразумения, не обходилось и без ошибок, ибо немыслимо было заранее предусмотреть все ситуации, в которых приходилось оказываться. Неудачи объяснялись недоверием со стороны населения. Один раз Э. Г. Гафферберг и Д. Д. Букинич решили сфотографировать джемшидскую свадьбу, женские и мужские танцы, несмотря на враждебный прием местных жителей и их подозрительное отношение к фотоаппарату. Участники церемонии мешали фотографировать, заслоняли женщин и т. п. Несмотря на все уговоры, ученым так и не удалось зафиксировать шествие молодых из дома невесты, женщин в праздничных нарядах, принимавших участие в свадебной процессии. Попытки расспросов местных жителей также не принесли желаемых результатов, ибо последние либо отмалчивались, либо откровенно обманывали исследователей.

Впоследствии выяснилось, что ошибка Э. Г. Гафферберг и Д. Д. Букинича заключалась в том, что, придя в аул, они нарушили местный обычай: не представились в первую очередь баю. Об этом Э. Г. Гафферберг писала: «Самый верный прием, придя в летовку, спрашивать такого-то» и отправляться прямо к баю. Затем с очень деловым видом вынуть записную книжку и записать название летовки, род, количество домов и все что нужно. Это сразу производит впечатление. Тотчас же кричат женщин, чтобы приготовили чай, и после этого можно и поговорить и пошутить без всяких опасений» (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 32–35). В дальнейшей работе исследователи старались избегать подобных ситуаций и не нарушать обычаев традиционного этикета. Подобные живые зарисовки участников экспедиции не только придают занимательность изложению полевых материалов, но позволяют глубже осветить жизнь изучаемого народа.

Все же чаще в ходе экспедиции приходилось сталкиваться с проявлением понимания, доброжелательности и гостеприимства со стороны посещаемых жителей. Так, один из участников экспедиции, Г. К. Шульд, летом 1929 г. был даже усыновлен одним из белуджей и ему дали мусульманское имя. Этнографы со своей стороны также старались помогать местным жителям.

Когда в августе 1928 г. Э. Г. Гафферберг в рамках экспедиционной деятельности работала в комиссии по расселению хазарейцев и джемшидов, то по просьбе женщин-джемшидок оказывала им медицинскую помощь. Дело в том, что джемшидские мужчины хоть иногда, но обращались к русскому фельдшеру. Женщинам же это было запрещено, и они лишь следовали указаниям традиционной медицины (амулеты, обереги и заговоры).

В 1928 г. полевые исследования продолжались с марта до ноября. Сотрудники экспедиции Д. Д. Букинич и Э. Г. Гафферберг работали в Кушкинском районе, преимущественно по материальной культуре, обследуя жизнь и быт кочевников джемшидов и хазарейцев (рис. 1–4). После прибытия в Мерв ученые не сразу направились к месту своей работы, в район Кушки, а задержались, чтобы оформить необходимые документы для посещения пограничных районов. Однако и здесь они попутно собирали материал о местных ремеслах и традициях.

В Кушке у участников поездки возникли трудности в осуществлении задачи экспедиции: «Ни помещения, ни средств передвижения в Кушке за деньги получить

нельзя, — писала Э. Г. Гафферберг, — (нет ни гостиницы, ни извозчиков), но местной Пограничной Командатурой, по предъявлению разрешения на въезд в Кушку, была предоставлена комната». Оказавшись на пограничном вокзале крепости Кушка, Э. Г. Гафферберг записала: «Есть также радиостанция, но посылать радиотелеграммы не рекомендуется, т. к., по словам местных жителей, слова до такой степени перевернутся, что почти невозможно понять смысла» (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 14).

Ближайшей задачей исследователей было выехать к джемшидам и приступить к их обследованию. Однако сделать это было не просто. Необходимо было пройти ряд формальностей: «...в Кушке посетить три коменданта: у коменданта пограничной стражи нужно зарегистрироваться, у коменданта города — получить пропуск для свободного проезда через городские ворота, комендант крепости предоставил нам военную подводу для проезда в Чаман-и-Бид, главное поселение джемшидов» (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 14).

Э. Г. Гафферберг отмечала, что сначала они были недружелюбно встречены председателем аулсовета,

Рис. 1. Коллекция № 3921-2. Фотоотпечаток. Разборка юрты. Хазара. Тагтабазарский этрап. 1928 г.

Fig. 1. Collection № 3921-2. Photo. Dismantling of a yurt (nomad's tent). Khazara. Tagtabazar etrap. 1928.

Рис. 2. Коллекция № 3921-28. Фотоотпечаток. Женщины за прядением шерстяных ниток. Хазара. Тагтабазарский этрап. 1928 г.
Fig. 2. Collection № 3921-28. Photo. Women spinning woollen threads. Khazara. Tagtabazar etrap. 1928.

который специально создавал им плохие бытовые условия. Исследовательница объясняла это тем, что он не хотел иметь свидетелями посторонних людей, т. к. вместе с другими джемшидами принимал участие в угоне скота из Афганистана. Однако в основном население встречало их приветливо, даже во время посещения летовки одного из самых разбойничьих племен там охотно продавали и меняли вещи. Из распросов местных жителей исследователи почерпнули, что джемшиды считают себя выходцами из Персии, потомками Джемшид-шаха.

В Чаман-и-Биде находились зимовки джемшидов. На кочевья они переселялись обычно в середине февраля. Летом джемшиды разделялись на небольшие кочевки. О подвижности границы между Туркменией и Афганистаном в 1920-е гг., в районах проживания джемшидов, говорит сообщение Э. Г. Гафферберг о проблеме нехватки травы для скота местных жителей по причине прихода массы афганских кочевников в поисках пищи своим многочисленным стадам.

Попытки участников поездки сфотографировать свадьбу джемшидов Э. Г. Гафферберг дополнила сведениями о джемшидских свадебных обычаях, полученных путем опроса через местного жителя украинца,

выступавшего в роли переводчика, Платона Шапко. Он помог в выяснении названий джемшидских родов, живших в Туркмении. Приезд исследователей пришелся на праздничные дни Байрама, когда все ходили в гости друг к другу. Поэтому можно было сфотографировать танцы в нарядных костюмах и группы гостей.

Исследователи старались не упустить ни одной детали в своих наблюдениях, используя любую возможность, даже вынужденную задержку в Мерве. Несмотря на многочисленные трудности и тяжелые условия работы, участникам экспедиции удалось собрать богатейший фактический материал.

Внимание Э. Г. Гафферберг привлекало изучение положения в семье местных женщин. В годы студенческой практики, в 1926–1927 гг., она наблюдала образ жизни курдов Эчмиадзинского уезда Армении, и в своих дневниках она сравнивает манеру общения курдянок с джемшидками, поведение которых ей казалось менее строгим: «Вообще джемшидские женщины пользуются сравнительной свободой. Они не только не стесняются есть при мужчинах, как, например, курдские женщины, но сидят свободно среди гостей и принимают даже участие в беседе» (Архив МАЭ. Ф. К. I. Оп. 2, ед. хр. 177, л. 20). Из беседы с местными жителями

Рис. 3. Коллекция № 3921-51. Фотоотпечаток. Женщина, кормящая ребенка. Хазара. Тагтабазарский этрап. 1928 г.
Fig. 3. Collection № 3921-51. Photo. Woman nursing a child. Khazara. Tagtabazar etrap. 1928.

она узнала, что в некоторых джемшидских родах не практикуется многоженство: «но добавили, что это не религиозный запрет. Закон позволяет, но мы не хотим» (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 21).

В один из дней после утреннего обмена и покупки вещей для музея джемшиды решили развлечь гостей. Они повели Э. Г. Гафферберг и Д. Д. Букинича к Али-Мададу, который жил в естественной пещере с двумя большими помещениями. В переднем, украшенном рогами джейранов, находился очаг, хранились чайник, пиалы, ведро с водой, на полу — войлочный ковер и шкуры джейранов. Во втором помещении находились утварь, мелкие вещи, плуг. По словам хозяина пещеры, вместе с ним жила большая змея: «Когда Али спит, она выходит и ложится рядом, кладя голову ему на грудь» (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 27). В подтверждение этих слов Али громко закричал,

как бы прогоняя змею. На просьбы гостей выманить змею, чтобы посмотреть на нее, хозяин отказался, объяснив это тем, что если она появится, то убьет их, как всегда поступает с чужими. Видимо, полностью ученые не смогли не поверить рассказчику и все-таки сняли и зарисовали пещеру.

В начале апреля участники экспедиции переехали в Комарово, ликвидировав накануне походную фотолабораторию, в которой проявляли и печатали снимки. Несмотря на проливной дождь, около станции им удалось осмотреть жилища джемшидов: «Здесь живут 4 семейства. Два в *карра* (тип землянки. — В. П.), одно в чаппари, одно в мазанке. В мазанке европеизированное устройство — плита, крытая железом. Там лежала больная женщина. Судя по расспросам, у нее малярия. Лечения никакого, только стараются чаще давать ей мясное» (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 28).

С целью более полного изучения джемшидов и хазарейцев и экономии времени Э. Г. Гафферберг и Д. Д. Букинич пришлось порознь выезжать в разные селения в сопровождении конвойных красноармейцев. В полевом дневнике Э. Г. Гафферберг отмечала, что охрана, данная им с заставы, не могла остаться на ночь в аулах и должна была возвращаться. Поэтому время для изучения населения было ограничено. Рабочие дни этнографов были крайне насыщенными. В одном из селений, несмотря на довольно приветливую встречу, «женщины с криком убежали, когда я даже одна, — вспоминала Э. Г. Гафферберг, — в сопровождении одного из зуринцев (племя зури, у которого была Э. Г. Гафферберг. — В. П.), пыталась к ним приблизиться. Только когда мы вытащили обменный фонд — материалы, некоторые женщины заинтересовались и даже вступили в разговор» (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 59).

Э. Г. Гафферберг посетила места расселения хазарейцев. Их летовки носили имена живших в них беков или почетных лиц, в отличие от джемшидских, которые назывались по названию рода, в них обитавшего. Жилища хазарейцев, чаппари (в которых они жили зимой и летом) и карра, располагались в долине р. Кулик вдоль берега. По наблюдениям ученого, хазарейские летовки большей частью состояли, как и джемшидские, из членов одного рода, хотя бывали и исключения. Состав этих поселений не был постоянным. Всегда можно было отделиться и перейти в другую группу. Э. Г. Гафферберг беседовала с хазарейцами, переселившимися год назад из Афганистана, отметив, что в ближайшее время из-за высоких

Рис. 4. Коллекция № 3921-78. Фотоотпечаток. Свадьба: жених и невеста объезжают аул вокруг. Хазара. Тагтабазарский этрап. 1928 г.

Fig. 4. Collection № 3921-78. Photo. Wedding: the bridegroom and bride riding around the aul. Khazara. Tagtabazar etrap. 1928.

налогов ожидалось увеличение притока беженцев. Она обследовала хазарейцев, причины их миграций, места расселения, принципы поселений, их хозяйственную деятельность, систему налогов, торговый обмен, родовое деление, пищу, контрабанду, народную медицину, заговоры. Кроме того, она фиксировала данные по диалектологии и фольклору хазарейцев. Ее полевые дневники читать легко и увлекательно. Она интересовалась буквально всем и даже записала «кушские» частушки жившего там многочисленного русского населения.

Однажды Э. Г. Гафферберг также посетила селение зури — одну из групп, постоянно тайком нарушавших границу между Афганистаном и Туркменией. Она пыталась зафиксировать все стороны жизни этого народа: «В каждом ауле окружает толпа любопытных. Вещи продают охотно, кроме самых необходимых. Медную посуду не отдают ни за что. Деревянную тоже»

(Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 56). Исследовательница продолжала фотосъемку (снимки проявлялись на месте в импровизированной фотолаборатории, и на них тут же составлялась опись), а также делала закупку коллекций для музея, собирала образцы керамики местного изготовления. В Мерве она записала название составов, которые использовали во время гончарного производства: «Удалось закупить полную коллекцию предметов керамического производства, но самого производства проследить не удалось, так как во время пребывания экспедиции в Мерве гончарные мастерские не работали» (Архив МАЭ. Ф. К. I. Оп. 2, ед. хр. 177, л. 5). Здесь же она записала названия материалов, связанные с изготовлением юрт для кочевников или, как она называла, кибиток, с подробным указанием и терминологией деталей жилища (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 9). Во время обследования одной из летовок Э. Г. Гафферберг

застала момент переселения из другого места и смогла сфотографировать этапы установки чаппари.

В это же время Д. Д. Букинич направился в аулы джемшидов. Его интересовали, прежде всего, хозяйственная деятельность и овцеводство. Наблюдения, которые он продолжил в 1930-е гг., были им обобщены в двух статьях о кочевых иранцах Кушкинского района. К сожалению, эти материалы до сих пор не опубликованы.

И. И. Зарубин продолжал изучение белуджей, начатые в 1927 г. в районе Мерва и Байрам-Али. Он делал заметки по языку, фольклору и духовной культуре, которые продолжил позже с помощью белуджских студентов в Ленинграде. В результате этих исследований он опубликовал многочисленные белуджские сказки, сказания и песни.

В полевой сезон август–декабрь 1929 г. главной задачей Среднеазиатской этнологической экспедиции было продолжение работ по обследованию иранских народов Туркмении, прежде всего белуджей и джемшидов. Стационарные работы велись в белуджских и хазарейских поселениях в Мервском, Байрам-Алийском, Иолотанском и Серахском районах (Отчет о деятельности..., 1930. С. 305). Э. Г. Гафферберг продолжала изучение хазарейцев и джемшидов. Она намеревалась изложить результаты экспедиции в монографии, но это так и осталось неосуществленным. Однако в последующие годы исследовательница опубликовала статьи, которые и сегодня являются единственными публикациями об этих кочевниках Туркмении.

Г. К. Шульц и Д. Д. Букинич находились у белуджей. В Иолотане они даже смогли приобрести для музея жилище белуджей — гедан, напоминающий шатер или палатку. Во время экспедиции было выполнено большое количество фотографий, где главное внимание обращалось на типы жилища. Фотоснимки зафиксировали конструкцию шатра гедан, его внутреннее убранство.

Полевые исследования кочевых и полукочевых ираноязычных народов Средней Азии в дальнейшем продолжила Э. Г. Гафферберг, совершив в течение шести полевых сезонов поездки в места компактного проживания белуджей в Туркмении. В дальнейшем результаты этих экспедиций легли в основу монографической работы (Гафферберг, 1969).

В 1950-е гг. фотографии белуджских шатров 1929 г., выполненные Г. К. Шульцем и А. П. Булгаковым, были временно выставлены на экспозиции МАЭ. Это небольшая экспозиция простояла в музее короткое время. О коллекциях, которые привезла Среднеазиат-

ская этнологическая экспедиция 1928–1929 гг., вспомнили лишь в 1980-е гг., когда на Восточном факультете ЛГУ было решено продолжить подготовку по дальнейшему изучению ираноязычных народов Средней Азии, начатую И. И. Зарубиным и его сотрудниками. Затем возникла идея об организации совместно с немецкими коллегами выставки по кочевым иранцам Туркмении: белуджам, джемшидам и хазарейцам. Эта выставка явилась результатом многолетнего российско-немецкого сотрудничества. Благодаря неустойчивой деятельности обеих сторон стало возможно подготовить самую большую зарубежную выставку из собраний МАЭ за все время его существования.

В 1994 г. в Германии, в Государственном музее народоведения Дрездена открылась выставка «Кочевой быт. У стен древнего Мерва. Белуджи, джемшиды, хазарейцы». Вместе с вещевыми коллекциями в Дрезден были отправлены также и фотоматериалы, многие из которых были выполнены в 1920-х гг. на стекле. Опасения по поводу их сохранности, о том, что отпечатки с них могут не получиться, не оправдались. Исторические фотографии прекрасно дополняли выставку. Увеличенные, они оказались отличными не только по содержанию, но и по техническому исполнению. В фотолaborатории дрезденского музея для МАЭ изготовили также пластиковые копии со стеклянных негативов. Впервые посетители выставки смогли в полной мере оценить собирательскую работу исследователей 1920-х гг. До этой выставки коллекционные вещи и фотографии хранились в разных помещениях фондов МАЭ и по ним невозможно было составить полную картину кочевого быта трех народов, сравнить их образ жизни, увидеть отличия традиционной культуры.

Выставка «Кочевой быт...» демонстрировалась в трех больших залах Государственного музея народоведения Дрездена. Каждому из народов было отведено отдельное помещение. В каждом разделе выставки внимание посетителей привлекало, прежде всего, жилище данного этноса. С набором предметов быта внутри и около, с мягкой подсветкой они выглядели только что покинутыми его обитателями. Для более достоверного оформления гедана белуджей, чаппари джемшидов и юрты хазарейцев из окрестностей Дрездена специально доставили песок и камни. Рабочая группа дрезденского музея собирала эти сборные жилища с такой ловкостью и знанием, что, казалось, они занимались этим всю жизнь. Коллекция МАЭ уникальна, лишь в отдельных музеях мира можно встретить разрозненные предметы, относящиеся к культуре этих ираноязычных кочевников. Эта большая выставка была смонтирована за короткое время, всего за несколько недель.

Выставка из вещей казалась бы невыразительного кочевого быта 1920-х гг. выглядела ярко и содержательно. Коллекции были смонтированы для экспонирования впервые, поэтому вещи и фотографии неожиданно стали выглядеть иначе, чем когда хранились в фондах музея. Все вместе они создавали атмосферу жизни народов, их создавших. Вещи и фотографии в залах сопровождали тексты с белуджскими сказками, связанными с жизнью кочевников, как фон звучали белуджские мелодии.

К выставке и перевозке было подготовлено около полутора тысяч экспонатов. Демонстрацию предметных коллекций дополняли фотографии 1928–1929 гг.

Среди огромного количества снимков, выполненных во время работы экспедиции, обращает на себя внимание такой фотографический прием, как создание серии кадров, которые передают какой-то процесс. Съемка серии снимков была характерна для участников Среднеазиатской этнологической экспедиции еще в 1926–1927 гг., когда, например, Г. Г. Гульбин работал среди таджиков Верхнего Зеравшана. Он пытался передать этапы приготовления лепешек женщинами в условиях летовья или, в другом случае, устройство в домашних условиях печи.

В полевые сезоны 1928–1929 гг. было выполнено множество серийных снимков, передающих значительно больше движения: женщина, несущая воду; стирка белья; уход за волосами; выпечка лепешек; верблюды на пастбище; женщины за изготовлением тандура — перелопачивание глины, женщины с ведром воды, выливают воду, обмазка тандура; этапы установки летнего жилища чаппари — обведение остова стены чаппари камышом, прикрепление остова крыши, привязывание паласа к жердям крыши шерстяными завязками; разборка юрты хазарейцев — поочередное снятие кошем с верха юрты, уборка плетенки из камыша, остова юрты, части юрты, разложенные на земле, утварь, оставшаяся после разборки юрты, и т. п. Это свидетельствует о потребностях научной фотографии,

выполнявшейся в условиях полевых этнографических поездок, фиксировать не только предметы материальной культуры, обычаи, но и запечатлеть как в фильмах процесс изготовления, провести пошаговую съемку.

В настоящее время полевые фотографии участников Среднеазиатской этнологической экспедиции являются уникальным этнографическим источником, отражающим хозяйство и материальную культуру малоизученных ираноязычных кочевых народов белуджей, джемшидов, хазарейцев непосредственно после их переселения из Афганистана в Туркмению. В фото-материалах экспедиции зафиксированы и сохранены для науки народный быт, одежда, ремесленные навыки, которые теперь исчезли либо трудновыявляемы. Фотоколлекции экспедиции также восполнили лакуны в фондах музея.

Среднеазиатская этнологическая экспедиция работала в трудных условиях первых послереволюционных лет, располагая весьма ограниченной материальной базой. Сотрудничество участников экспедиции с видным востоковедом И. И. Зарубиным способствовало формированию и росту многих молодых ученых, с течением времени ставших видными исследователями Средней Азии.

Литература и источники

Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177.

Архив МАЭ. Ф. Кол. 5, оп. 1. № 406.

Гафферберг, 1969 — Гафферберг Э. Г. Белуджи Туркменской ССР. Очерки хозяйства, материальной культуры и быта. М., 1969.

Отчет о деятельности..., 1928 — Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 год. II: Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1928.

Отчет о деятельности..., 1930 — Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 год. II: Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1930.

СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. № 2.

В. А. Прищепова

Белуджи, джемшиды, хазарейцы Туркмении в фотоколлекциях 1920-х гг.

Статья посвящена фотоколлекциям из собрания Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) 1928–1929 гг. по этнографии ираноязычных кочевников Туркмении — белуджей, джемшидов, хазарейцев. Фотоснимки документируют практически все области быта этих народов в рассма-

триваемые годы, но, к сожалению, в настоящее время почти неизвестны даже в кругу узких специалистов. Собираемыми этих фотоколлекций были сотрудники музея Э. Г. Гафферберг, Д. Д. Букинич, Г. Г. Гульбин, Г. К. Шульц, А. П. Булгаков. Они принимали участие в работе Среднеазиатской этнологической экспедиции

АН СССР 1926–1929 гг., руководил которой видный востоковед-иранист И. И. Зарубин. Задачей экспедиции было наиболее полно изучить быт этих кочевых народов и доставить в музей такие свидетельства их материальной культуры, как одежда, орудия труда, переносные жилища и т. п., а также зафиксировать все это на фото пленку. Среднеазиатская этнологическая

экспедиция работала в трудных условиях первых послереволюционных лет, располагая весьма ограниченной материальной базой. Сотрудничество участников экспедиции с видным востоковедом И. И. Зарубиным способствовало формированию и росту многих молодых ученых, с течением времени ставших видными исследователями Средней Азии.

V. A. Prishchepova

Baluchis, Jemshids, Khazareis of Turkmenia in photographic collections of the 1920s

This paper is devoted to the photographic collections of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnology (Kunstkammer) gathered in 1928–1929 and concerned with the ethnography of Iranian-speaking nomads – Baluchis, Jemshids, Khazareis. The photos under consideration encompass practically all the aspects of the everyday life of these peoples in the years mentioned above but, unfortunately, these documents are now almost unknown even among the circle of specialists. These photographic collections were obtained by the workers of the Museum E. G. Hafferberg, D. D. Bukinich, G. G. Gul'bin, G. K. Shultz, A. P. Bulgakov. In 1926–1929, they took part in the activities of the Central Asian Ethnological Expedi-

tion. This expedition was headed by the prominent orientalist/Iranist Ivan I. Zarubin. The task of the Expedition was to study as completely as possible the life mode of these nomadic peoples and to transfer to the Museum such evidence of their material culture as clothes, implements, portable dwellings etc. and to register all this in photographs. The Central Asian Ethnological Expedition worked in the difficult conditions of the first post-revolutionary years availing of a very limited resource base. The collaboration of the participants of the expedition with the eminent orientalist I. I. Zarubin was favourable for establishing and advancing of many young scientists who with time became prominent researchers of Central Asia.